

ПИСЬМО И ЭДИКТ ИМПЕРАТОРА КЛАВДИЯ

(К вопросу о подлинности эдикта у Флавия)

Эдикт императора Клавдия к александрийцам, приведенный у Ф л а в и я (Antt., XIX, 5, 2 §§ 280—285), является чрезвычайно важным источником для суждения о провинциальной политике императорского Рима в I в. н. э. и о той внутренней борьбе, которая происходила в Александрии при первых императорах. Вопрос о подлинности этого документа важен и для оценки достоверности Флавия, как исторического источника. Между тем вопрос этот считается до сих пор нерешенным. В буржуазной историографии некоторые исследователи признают его подлинным, другие выставляют аргументы против этого мнения, но представители и того и другого мнения исходят по преимуществу только из субъективной оценки личности и труда Иосифа Флавия. Таким образом, в их суждениях отсутствует научный критерий для решения этого вопроса.

Как нам представляется, в источниках имеются опорные пункты для пересмотра вопроса о подлинности эдикта у Флавия и его месте в последовательности исторических событий 41 г. н. э.

Вскоре после возвращения из Рима в Иудею Агриппы I (41 г. н. э.) в городе Дора произошел инцидент (Antt., XIX, 6, 3, § 300 сл.), подобный александрийскому, требовавший энергичного вмешательства сирийского наместника Публия Петрония. Доритяне насильственно установили в синагоге статую императора Клавдия. Благодаря вмешательству Агриппы наместник Петроний издает строгий эдикт, резко осуждающий поступок доритян и привлекающий виновных к ответственности. В этом эдикте, полностью воспроизведенном у Ф л а в и я (§ 303—311), Петроний четыре раза ссылается на некий указ (διάταγμα; διατάγματα) императора Клавдия к жителям Александрии и всей империи относительно иудеев. В заключение своего эдикта Петроний сообщает, что к эдикту он присоединяет указ Клавдия относительно жителей Александрии, прочитанный публично царем Агриппой (§§ 303, 306, 307 и 310). О широкой известности документов Клавдия, на которые ссылается Петроний, свидетельствует то обстоятельство, что Петроний в этом эдикте неоднократно говорит о них как об общеизвестных документах: «Ведь смешно упоминать о моем решении после указа императора...» (306)¹.

Насколько нам известно, подлинность этого эдикта Петрония не только не была опровергнута в науке, но и не подвергается сомнению. Действительно, трудно представить себе возможность вымысла или даже фальсификации в сообщении относительно столь незначительного инцидента на периферии, сообщении, содержащем множество деталей, относящихся к практике римского провинциального управления. В таком случае возникает вопрос: о каком эдикте Клавдия так настойчиво говорится в эдикте Петрония? Не подразумевается ли под этим эдиктом известное нам сейчас подлинное письмо Клавдия к александрийцам? Такое предположение следует отвергнуть по следующим соображениям.

1) Как выше было указано, Петроний неоднократно называет документ Клавдия διάταγμα. Письмо же Клавдия по своей форме² таковым не является. В предпосланном письму эдикте префекта Египта Л. Эмилия Ректа (Λούκιος Αἰμίλιος Ρήκτος λέγει) последний называет послание Клавдия ἐπιστολή(της... εἰς τὴν πόλιν ἐπιστολῆς). Флавий всегда хорошо различает эти два рода документов. Достаточно указать на XIV книгу

¹ Сам Клавдий предписывает в так наз. «ойкуменовском» эдикте (Antt., XIX, 5, 3, §§ 287—291) сообщить его распоряжение «всем правителям городов, колоний и муниципий как Италии, так и вне ее, а также царям и властителям через их собственных посланников» (§ 291). При этом указ должен быть повсеместно вывешен на видном месте в течение 30-дневного срока (там же).

² Вступительная формула приветствия: Τιβέριος Κλαύδιος Καίσαρ... Ἀλεξανδρέων τῆ πόλει χαίρειν (14—15) характерна именно для письма.

«Древностей», где приводится множество официальных документов и всюду соблюдается формальное различие между *ἐπιστολαί* и *διατάγματα*.

2) Публично прочитанный Агриппой, согласно эдикту Петрония, документ Клавдия не мог быть этим письмом, так как: а) Агриппа возвратился в Палестину (из Рима) весной 41 г., т. е. до составления письма Клавдия (октябрь 41 г.), и оставался безвыездно в Иудее, по крайней мере, до осеннего праздника Кушей (Хаг), так как во время этого праздника, он, согласно талмудическому свидетельству, читал в храме Пятикнижие (M. Sota, VII, 8); б) инцидент в городе Дора имел место вскоре (Antt., XIX, 6, 3, § 300) после возвращения Агриппы в Палестину, т. е. весной или летом 41 г. н. э.

3) Следует указать еще на одну характерную черту. Петроний в своем эдикте указывает доритянам, что постройка статуи Клавдия была бы уместней «в лично [Клавдию] посвященном храме, чем в другом месте» (т. е. синагоге) (Antt., XIX, § 305). Такое указание Петрония было бы совершенно неуместным, если бы Петроний знал письмо Клавдия, в котором предложение о сооружении храма Клавдию было решительно отвергнуто императором как «вызывающий» акт (*ἀρχιερέα δ' ἐμὸν καὶ πλὴν χριστιανῶν παρατοῦμαι οὐτε φορτικὸς τοῖς κατ' ἐμαυτὸν ἀνθρώποις βουλομένους εἶναι...* 48—50).

Если документ, на который ссылается Петроний, не является письмом Клавдия к александрийцам, то естественней всего предположить, что он может быть эдиктом Клавдия, воспроизведенным Флавием. В таком случае возникает вопрос о характере этого документа, обстоятельствах его издания и его датировке.

Различные ответы, дающиеся в буржуазной науке по вопросу о датировке этого эдикта, свидетельствуют о неясности и путанице, господствующих в этом вопросе, и об отсутствии какого-либо критерия для решения этой проблемы. Так, например, Жугэ полагает, что невозможно определить, что чему предшествовало: письмо ли эдикту или эдикт письму¹.

Белл² считает, что и эдикт и письмо являются ответом на посещение одного и того же посольства, и уклоняется от более точной датировки эдикта. По мнению Д е с с а у (II, 673), оба документа изданы примерно одновременно. Укскулл-Гилленбанд (SBPAW, 1930, XXVIII, 674) указывает, что эдикт издан Клавдием после (подчеркнуто мной.— И. А.) получения известия о восстании 41 г.

Ни одно из этих предположений не согласуется со всеми имеющимися данными источников и не в состоянии содействовать ни пониманию характера самого эдикта, ни определению времени его издания. Совершенно очевидно, что для решения этого вопроса необходимо в самих источниках найти критерий подлинности этого документа и основание для его датировки.

Как выше было указано, Петроний в своем эдикте сообщает, что к своему эдикту он присоединяет эдикт Клавдия, прочитанный публично Агриппой. Приведем это место: *ἵνα δὲ γνωριμώτερον ἢ τί καὶ ὁ Σεβαστὸς περὶ ὅλου τοῦ πράγματος ἐφρόνησε τὰ ἐν Ἀλεξανδρείᾳ αὐτοῦ διατάγματα προτεθέντα προσέθηκα, ἅπερ, εἰ καὶ γνωριμὰ πᾶσιν εἶναι, δοκεῖ τότε καὶ ἐπὶ τοῦ βήματος ἀνέγνω ὁ τιμωτάτος μοι βασιλεὺς Ἀγρίππας, δικαιολογησάμενος περὶ τοῦ μὴ δεῖν αὐτοὺς ἀφαιρεθῆναι τῆς τοῦ Σεβαστοῦ δωρεᾶς.*

«Для того, чтобы было (более) хорошо известно, что именно решил Август по поводу всего дела, я приложил его указ, выставленный публично в Александрии, который, хотя и всем, повидимому, известный, тогда с трибуны прочел уважаемый мною царь Агриппа (выигравший процесс или) выступивший в процессе (δικαιολογησάμενος) относительно того, что не следует¹ лишать их (т. е. иудеев) дара Августа» (Antt., XIX, 6, 3 § 310).

Здесь обращает на себя внимание выражение *δικαιολογησάμενος*. Глагол *δικαιολογέομαι* *περὶ τινος* означает «добиваться (прав), защищать (права) в судебном порядке, речью на процессе». В таком именно значении употребление этого глагола засвиде-

¹ P. J o u g u e t, L'empereur Claude et les Alexandrins, «Journal des Savants», NS, XXIII (1925), стр. 16.

² B e l l, Juden und Griechen etc., 1926, стр. 15.

тельствовано, например, у Лисия¹ и Эскина². Таким образом, это выражение из эдикта Петрония в его контексте следует понимать в том смысле, что Агриппа «высудил», добился благоприятного для иудеев эдикта в каком-то процессе, разбирательстве или дискуссии в присутствии императора Клавдия. О каком же процессе здесь может идти речь? Прежде всего, казалось бы, напрашивается такой ответ: здесь перед нами намек на процесс Исидора и Лампона, отражение которого сохранилось в знаменитых *Acta Isidori*. Но такое предположение должно отпасть. В дошедших до нас фрагментах Исидоровых мучеников (BGU, II, 511+P. Cair., 10448+P. Lond., 2785)³ нет решительно никаких намеков на обсуждение вопроса о правах и привилегиях александрийских иудеев. Ничем не засвидетельствовано также личное присутствие Агриппы I на процессе 30/IV—1/V 41 г. н. э.⁴

Мы полагаем, что процесс, на который указывает эдикт Петрония, следует поставить в связь не с процессом Исидора, отраженном в т. н. мученики Исидора, обозначаемом в науке под литером Аа, а с новым папирусным отрывком (BGU, 8877).

Ввиду важности этого текста, приведем полностью сравнительно хорошо сохранившийся отрывок 2-го столбца:

Ἰσίδωρος

Κ[αλὰ] λέγει, κύριε Σεβαστέ, Β[αλβίλλος
[περὶ τῶν σῶν πραγμάτων τ[
20 [σοὶ δέ], Ἀγρίππα, πρὸς ἃ εἰση[γεῖ περὶ Ἰου-
[δαίων] ἀντικαταστήσομαι. ἐνε[αλω αὐτοῖς
[ὅτι καὶ] ὅλην τὴν οἰκουμένην [ἐπιχειροῦσιν
[ταράσσειν. δεῖ δὲ τὸ καθ' ἕνα]ρον παρέντα
[σκοπ]εῖ[ν] τὸν ὄχλον. οὐκ εἰσὶν Ἀλ[εξανδρεῦσι
25 ὁμοιοπαθεῖς, τρόπῳ δὲ Αἰγυπτίων ὁμοιοί·
οὐκ εἰσι(ν) ἴσοι τοῖς τὸν φορον τελ[οῦσι];
Ἀγρίππας
[Αἰγυπτί]οις ἔστησαν φόρους [οἱ] ἀρχ[οντες
[.....]ν· τούτοις δὲ οὐδεῖς.
Βαλβίλλος·
Ἴδὲ ἐπὶ π[ηλί]κην τόλμην ἢ ὁ θεὸς αὐτοῦ ἦ

Примечания к тексту: 1) [ἐξεγειροῦσιν εἰς (ἰς?) στάσειν? (т. е.... они весь мир возбуждают на восстание)?] Ср. P. Lond., 1912, 99—100: Κοινὴν τινα τῆς οἰκουμένης νόσον ἐξεγείροντας. 2) [τῶν μακεδόνων]?

¹ L y s., fr. y A t h., V, 209 сл.

² A e s c h., 2, 21; в этой форме (причастия аориста) нам удалось найти употребление этого глагола у Евсевия (Hist. eccl. II, 22, I:... καθ' ὅν (т. е. Φῆστον) δικαιολογησάμενος ὁ Παῦλος...; ἡ δικαιολογία означает защиту своих привилегий (P o l., 3, 21, 3; P l u t., Rom. 19 и др.); οἱ δικαιολογοῦντες—адвокаты, L u c., Tim. II).

³ APF, X (1932), стр. 7 сл.; опубликован также в «Aegyptus», XII, вып. 4 (1932), стр. 334 сл.

⁴ Хотя мы и принимаем 41 г. как дату процесса, тем не менее полагаем, что обвинение Исидором Агриппы (1-й столбец берлинского фрагмента) не является доказательством присутствия последнего на процессе. Процесс этот является, на наш взгляд, не обвинением Агриппы, а судом над Исидором и Лампоном, повидимому, за причастность их к гибели Тиберия Гемелла и Нэвия Макрона; об этом свидетельствует последний известный отрывок этих *Acta*, опубликованный в 1932 г. (см: APF, X (1932), стр. 5 сл.)

И с и д о р

19 Хорошо говорит, августейший владыка, Балбилл относительно твоих дел...

20 Тебе же, Агриппа, на твои заявления об иудеях я буду возражать. Я обвиняю их в том, что они весь мир [пытаются будоражить]. Нужно, опустив касающееся отдельных лиц, рассмотреть, какова вся эта толпа (свора). Они не такие,

25 как александрийцы. Они сходны по своему характеру (?) (по условиям? с египтянами: не равны ли они платящим налог (подушную подать)?)

А г р и п п а

[Египтя]нам установили налоги правители
[македоня]н(?), этим же никто.

Б а л б и л л,

Смотри-ка, на какую дерзость или...

Издатель этого текста Уксулл, а вслед за ним и другие ученые полагают, что этот отрывок (Ab по обозначению Уксулла) заполняет часть лакуны между берлинским и каирским фрагментами и входит, таким образом, в состав Acta Isidori. Однако уже было обращено внимание (прежде всего самим издателем), что этот отрывок как по почерку, так и по форме резко отличается от известных фрагментов Acta Isidori. Так, в рассматриваемом отрывке имена ораторов поставлены в середине специальной строки, речи более обстоятельные, напоминающие диалог, в то время как во всех остальных отрывках Аа имена ораторов не выделены в отдельные строки, речи более отрывистые. Ввиду этого еще Уксулл выдвинул предположение, что опубликованный им отрывок Ab представляет собой параллельную краткую редакцию Аа, подобно тому как ВГУ 331 является краткой редакцией P. Par., 68 + P. Lond., 1, 227 сл. (т. е. Acta Pauli et Antonii). Вряд ли, однако, можно с этим согласиться. К отмечаемым выше различиям формального характера следует прибавить еще то обстоятельство, что Ab резко отличается от Аа по своему общему тону и содержанию. В то время как ВГУ II, 511 + P. Cair., 10448 представляют собой продолжение один другого, а новый отрывок (P. Lond., 2785) настолько близок к ВГУ II, 511, что возможно проверить и исправить дополнения в столбце II берлинского фрагмента, — рассматриваемый нами отрывок (P. 8877) представляет резкий контраст ко всем известным отрывкам Acta Isidori и абсолютно ни в чем не сходен с ними.

В самом деле, все четыре отрывка группы Аа связаны ярко выраженным единством содержания. Основной стержень, вокруг которого вращаются все разговоры, — это обвинение Исидора в том, что он повинен в гибели друзей императора и в дерзости по отношению к императору. При этом можно предположить, что crimen laesae majestatis выразилось не только в дерзком и резком выступлении Исидора в ходе процесса, но и до него. Исидор, защищаясь, пытается очернить самого вероятного виновника его поражения, ненавистного ему друга Клавдия — иудейского царя Агриппу I. Здесь невозможно обнаружить ни малейшего намека на проблему греко-иудейских взаимоотношений в Александрии, государственно-правового статуса иудеев и т. п.

В читаемой же части отрывка Ab, наоборот, нет и следов обвинений Исидора. Этот краткий отрывок насыщен обоснованием самых злободневных и актуальных вопросов греко-иудейской борьбы и правового положения александрийских иудеев. Центральным местом этого отрывка является речь Исидора, в которой он обвиняет иудеев, что они, во-первых, «весь мир пытаются будоражить»¹⁰; во-вторых, не могут быть прирав-

¹ Это обвинение (ὅτι καὶ ἔλην τὴν σύνοικον κτλ.) будет потом повторено Клавдием в так называемом «загадочном месте» письма (строки 96—100). Ср. мою заметку в ВДИ, 2, 1948, стр. 166.

нены к александрийцам, а должны быть приравнены к египтянам, платящим подушную подать. Возражая Исидору, Агриппа утверждает что «египтянам установили налоги правители (ἄρχοντες), этим же (т. е. иудеям) никто». Здесь поставлен центральный вопрос борьбы александрийских иудеев за свои гражданские права. Пробным камнем гражданских привилегий была лаография. Александрийские иудеи в отличие от жителей χώρα не платили подушной подати. По крайней мере, нет ни одного свидетельства того, что александрийские иудеи подлежали лаографии. Поэтому представители партии Исидора и он сам так настойчиво добиваются лишения александрийских иудеев их особых привилегий¹ и тем самым уравнения их статуса со статутом наиболее эксплуатируемых и бесправных туземцев.

Итак, мы полагаем, что Ab не является ни ингредиентом Aa, ни его краткой рецензией, а представляет собой отрывок отчета или политического памфлета, в котором излагается дискуссия по вопросу о греко-иудейском конфликте 38—41 гг. и правах александрийских иудеев. Чрезвычайно фрагментированный отрывок знакомит нас только с одним, — правда, весьма важным, а может быть, и главным, — аспектом этой проблемы. Разумеется, нечитаемый 1-й столбец и недошедшие части этого документа затрагивали, вероятно, всю совокупность вопросов, волновавших иудеев и греков. Дискуссия эта кончилась, как видно, благоприятно для иудеев, и результатом ее был эдикт, приведенный у Флавия.

Если приемлемо такое наше толкование отрывка Ab, то возникает вопрос: к какому времени следует приурочить и процесс, и последовавший за ним эдикт?

Два обстоятельства, как кажется, дают возможность установить приблизительный terminus ante quem. Во-первых, как ниже будет показано, эдикт у Флавия по своему содержанию свидетельствует о том, что он был составлен до получения из Александрии вести о восстании иудеев, а весть эта могла прибыть в Рим не ранее марта 41 г. Во-вторых, формальное основание для установления terminus ante quem может дать сопоставление титулатуры Клавдия в его эдиктах. Обратимся прежде всего к этим титулатурам. При сопоставлении обоих эдиктов у Флавия оказывается, что в первом эдикте (к александрийцам) в титулатуре нет упоминания о консульстве Клавдия. Вряд ли имеются основания для предположения о пропуске здесь упоминания о консульстве, тем более, что в эдикте, непосредственно следующем за ним, у Флавия в титулатуре отмечена десигнация на второе консульство: βλατος κλειροτομηθεὶς τὸ δεύτερον. Клавдий был вторично² consul designatus с 28/II 41 г. н. э. Таким образом, вторая половина февраля является terminus ante quem для первого эдикта и post quem для второго.

Если эдикт к александрийцам был издан до 28/II 41 г., то процесс, следовательно, мог иметь место только в промежутке между 25/I 41 г. (дата востшествия Клавдия на престол) и концом февраля того же года.

В самом отрывке Ab нет точных опорных пунктов для его датировки. Большинство ученых датирует его 53 г., поскольку сторонники датировки процесса Исидора и Лампона 53 г. связывают с процессом Исидора и этот отрывок. Однако связь эта неправомерна, и наблюдения над текстом показывают, что его следует приурочить к вышеприведенным хронологическим рамкам 41 г.

В пользу датировки Ab 41 г. прежде всего говорит его содержание, отражающее конкретную историческую обстановку 38—41 гг. Источники не дают никаких оснований предполагать, что вопрос греко-иудейских отношений в Александрии пересматривался Клавдием и публично разбирался после 41 г. У нас нет также данных о каких-либо волнениях и стычках в Александрии до 66 г. Напротив, 41 г. является критическим пунктом обострения этих взаимоотношений, и рассматриваемый нами отрывок вполне отражает сложившуюся тогда обстановку.

В пользу 41 г. говорят и сохранившиеся в отрывке имена ораторов: Исидор, Аг-

¹ Следует вспомнить негодующее сообщение Ф л о н а о насильственном наказании еврейских геронтов по унижительному образцу, установленному для египтян (см. In Flaccum, 10, 77, 78 и 80). Ср. ВГУ, 8877, col. II, 24—25.

² Первое консульство Клавдия было при Калигуле — от 1/VII до 12/IX 37 г.

риппа и Балбилл. Исидор был членом александрийского посольства, возглавленного Апионом. Надо полагать, что александрийское посольство, так же как и иудейское во главе с Филоном, задержалось в Риме до гибели Гаия и восшествия Клавдия. Процесс Исидора и Лампона, вероятнее всего, имел место 30/IV—1/V 41 г. Если можно довериться свидетельству Р. Оху., I, 33, то смертный приговор Исидору и Лампону был приведен в исполнение. Во всяком случае в списке александрийских послов, дошедшем в письме Клавдия (строки 16—20), имена Исидора и Лампона отсутствуют¹. Следовательно, участие Исидора в процессе в феврале 41 г. как нельзя лучше согласуется со всей обстановкой.

Агриппа, выступающий здесь защитником александрийских иудеев, мог быть только Агриппой I, многими нитями связанным с Александрией, лично заинтересованный в благоприятном для иудеев исходе конфликта, поводом для которого послужил и его приезд в Александрию летом 38 г. Нельзя при этом упустить из виду двух важных свидетельств Флавиана: 1) С одной стороны, Флавий сообщает, что оба эдикта были изданы по настоянию царей Агриппы и Ирода: «... послал также указ по внушению царей Агриппы и Ирода» и т. д. (Antt., XIX, 5, 2, § 279), а в так наз. «ойкуменовском» эдикте прямо сказано: «так как меня попросили мои дражайшие цари Агриппа и Ирод» и т. д. (Antt., XIX, 5, 3, § 288).

2) С другой стороны, как выше было уже отмечено, в эдикте Петрония по поводу доритского инцидента указано, что Агриппа добился этого эдикта в процессе (δικαιολογήσας). Так как Агриппа I покинул Рим вскоре после издания обоих эдиктов (Antt., XIX, 6, 1, § 292) и больше в Рим никогда не возвращался, то участие его в процессе могло иметь место только в начале 41 г.

Что касается Балбилла, то известны, по крайней мере, четыре человека, носивших это имя. Главу александрийского посольства, известного нам из письма Клавдия, в высшей степени невероятно сопоставлять с Тиберием Клавдием Балбиллом, префектом Египта в 55—59 гг. и с прокурором Балбиллом из Эфеса и совершенно невозможно сопоставлять с астрологом Балбиллом. По совокупности всех имеющихся данных Балбилл, глава александрийского посольства в 41 г., и был тем Балбиллом из Аб, который принимал участие в первом *ἄδικτάστασις* 41 г.

Остается рассмотреть вопрос о связи между эдиктом и письмом, иначе говоря — о сходстве и различии обоих документов.

Еще в 1926 г. Мауртис Энгерс², сопоставив письмо с эдиктом, отметил целый ряд близких совпадений³. Наряду с этим Энгерс отметил и целый ряд расхождений. Так, в эдикте (§ 284) ответственность за беспорядки и волнения в Александрии односторонне возлагается на александрийцев; в письме же (строки 74—77) Клавдий отказывается определить виновную сторону. В эдикте отмечаются лишь права, приобретенные иудеями; в письме (строки 78—98) резко порицается нарушение иудеями их обязанностей. К этому следует прибавить, что в письме, в отличие от эдикта, наряду с увещанием и угрозой, обращенными к обеим сторонам, имеется еще односторонняя резкая угроза по адресу иудеев (строки 98—100). На основании этого автор приходит к справедливому выводу, что со времени эдикта Клавдий резко изменил к худшему свое отношение к иудеям. Но причину этого изменения Энгерс видит в том, что «слабый

¹ Трудно предположить, чтобы такие признанные вожди александрийцев, как Исидор и Лампон, по каким-либо второстепенным причинам не принимали участия в посольстве, задачей которого было добиться от нового императора таких жизненно важных для Александрии вопросов, как восстановление *βουλή*, разрешение греко-иудейского конфликта и т. п.

² M. E n g e r s, «Klio», XX (1926), вып. 2, стр. 168—178.

³ а) Antt., XIX, 5, 2, § 281 (в дальнейшем — «эдикт») и P. Lond., 1912, 83—84 (в дальнейшем — «письмо»); давность прожигания иудеев в Александрии. б) Эдикт § 283 и 285 — письмо, 85—88: право религиозной свободы и жизни по исконным отцовским обычаям. в) Эдикт 285 — письмо, 79—82: призыв к обеим сторонам воздержаться от всяких трений и стычек в будущем.

и несамостоятельный» Клавдий вначале находился всецело под влиянием Агриппы. После же отъезда Агриппы Клавдий подпал под другое влияние, враждебное к иудеям, и отношение его к ним изменилось (Э н г е р с, ук. соч., стр. 176).

С таким поверхностным объяснением метаморфозы Клавдия нельзя согласиться прежде всего потому, что в промежутке времени между изданием эдикта и отправкой письма в Александрии произошло событие, обусловившее изменение позиции Клавдия. Событие это — στάσις александрийских иудеев в феврале — марте 41 г. н. э. (Antt., XIX, 5, 2, § 278).

Совершенно невозможно согласиться с мнением Уксулла (SBPAW, 1930, XXVIII, стр. 674) о том, что эдикт Клавдия у Флавия издан после получения известия о восстании иудеев 41 г. Напротив, сопоставление сообщения Флавия о восстании, эдикта Клавдия у Флавия и Лондонского папируса 1912, ясно показывает, что эдикт был издан до получения известия об этом восстании.

На первый взгляд бросается в глаза противоречие у Ф л а в и я: из его сообщения о восстании видно, что после получения известия о гибели Гая Калигулы инициатива выступления принадлежала иудеям, «воспринувшим духом и сразу взявшимися за оружие»¹. В эдикте же Клавдий обвиняет только одних александрийцев в восстании против иудеев (Ἰεροσολίταις δὲ ἐπαρθῆναι κατὰ τῶν παρ' αὐτοῖς Ἰουδαίων ἐπὶ τῶν Γαίου Καίσαρος χρόνων... — там же, § 284)². Но противоречие это только кажущееся. Объясняется оно, на наш взгляд, тем, что эдикт был издан до получения в Риме известия о восстании александрийских иудеев. Весть о гибели Гая (24/1 41 г.) могла достигнуть Александрии в это время года не ранее конца февраля (а возможно — начала марта)³. Сообщение о восстании в Александрии могло быть получено в Риме не ранее апреля. Повидимому, восстание приняло широкие размеры, местные власти не могли с ним вначале справиться и сообщили о волнениях в Рим. В ответ на это известие «Клавдий приказал египетскому наместнику подавить восстание» (Antt., XIX, 5, 2, § 279). Таким образом, именно это восстание и жалобы александрийского посольства и были причиной изменившегося отношения Клавдия к иудеям⁴. Отражение этого изменения мы находим в письме, чем и объясняется его отличный от эдикта тон. Так, если в эдикте агрессорами были названы только александрийцы (см. выше, стр. 226), то в письме Клавдий отказывается определить виновников στάσις — ταραχή — πόλεμος (πότεροι μὲν αἱτοὶ κατέστησαν... οὐκ ἐβουλήθη ἀκριβῶς ἐξελέγξει... — строки 74—77), так как письмо отвечает на всю совокупность событий 38—41 гг., включая и στάσις иудеев 41 г. Если верно наше толкование загадочных строк 96—100⁵, то в них мы имеем прямое и резкое осуждение иудеев за это восстание.

Следует, однако, отметить, что в письме Клавдия нет каких-либо указаний, де-завуирующих основные положения эдикта. Напротив, одно место письма можно понимать, как подтверждение всех преимуществ, октропированных в эдикте, со ссылкой

¹ «В это самое время произошло восстание иудеев против эллинов... когда умер Гай, народ иудеев... воспринял духом и сразу же взялся за оружие» (Antt., XIX, 5, 2, § 278).

² «Во времена цезаря Гая александрийцы поднялись против живущих в Александрии иудеев» (Antt., § 284).

³ В зимние месяцы на проезд между Римом и Александрией требовалось в среднем 1—2 месяца. Так, согласно Ф л а в и ю (BJ, II, 10, 5), весть о гибели Гая была получена наместником Петронием в Сирии на 27 дней раньше получения задержавшегося в пути приказа Гая о самоубийстве Петрония. «Доставщики этого письма (с приказанием о самоубийстве Петрония), были на три месяца задержаны бурей в море, между тем как вестники смерти Гая имели счастливое плавание», т. е. были в пути два месяца. Плавание из Александрии в Сирию было непродолжительным. (См. также Antt., XVIII, 8, 9).

⁴ При этих обстоятельствах возможно, что и отсутствие Агриппы имело свое значение, но отнюдь не единственное и решающее.

⁵ См. нашу краткую заметку об этом в ВДИ, 1948, № 2, стр. 166.

на него. Говоря о правах, предоставленных иудеям Августом, Клавдий продолжает: ἄτερ καὶ ἐγὼ διαχοβὰς ἁμφοτέρων ἐββαίωσα, т. е. «... которые и я, выслушав обе стороны, утвердил» (строки 87—88). Употребленный здесь аорист ἐββαίωσα можно понимать как указание на имевшее место уже в прошлом подтверждение Клавдием этих прав, т. е., по видимому, на эдикт. Характерно, что все конкретные распоряжения Клавдия (позитивного и негативного характера) выражены в форме настоящего и будущего времени (разрешаю, согласен, запрещаю, отклоняю, решаю, сохраняю, хочу и т. д. См. P. Lond., 1912, строки: 30, 32, 36, 37, 43, 46, 49, 53, 54, 57, 61, 67, 79, 82, 89, 98, 99, 105). В словах Клавдия: διότι καὶ νῦν δι' μαρτύρομαι, ἵνα Ἀλεξανδρεῖς κτλ., т. е. «поэтому еще раз требую, чтобы александрийцы и т. д.» (82), можно видеть намек на то, что письму Клавдия предшествовал какой-то другой документ, в котором Клавдий уже однажды «заклинал» александрийцев и призывал обе стороны к миру. И, действительно, в конце эдикта Клавдия у Флавия мы читаем такое «заклинание»-требование: т. е. «Обеим сторонам я приказываю проявить наибольшее благоразумие, чтобы после издания моего указа не было беспорядков» (Antt., XIX, 5,2, § 285).

Итак, мы приходим к следующему выводу. Вопрос о подлинности эдикта Клавдия у Флавия должен и может решаться не только на основании общих соображений и оценочного подхода к Флавию как историку. Сохранившийся у Флавия эдикт Петрония (ссылающийся на эдикты Клавдия) дает опорный пункт в самом источнике для пересмотра этого вопроса.

Имеющееся в этом эдикте выражение δικηλογησάμενος свидетельствует о том, что эдикт был издан после разбора греко-иудейских взаимоотношений императором Клавдием при активном участии Агриппы I¹. Весьма возможно, что P. Ber., 8877 (Ab), является литературным памятником этого процесса, а не вариантом Acta Isidori, как полагают Укскулл и следующие за ним исследователи.

Эдикт был издан до получения известия о восстании иудеев в Александрии, вероятно всего — в феврале 41 г. Этим объясняется более благоприятное, по сравнению с письмом, отношение Клавдия к иудеям.

Письмо, в котором можно видеть намеки на уже ранее изданный эдикт, отличается от него более раздраженным тоном Клавдия, обусловленным, по всей вероятности, восстанием, которое вспыхнуло в промежутке между изданием обоих документов и которое император квалифицировал как κοινήν τιμὰ τῆς οἰκουμένης νόσον. Однако принципиальных и существенных расхождений между письмом и эдиктом обнаружить, кажется, невозможно. Клавдий, не желавший обострения конфликта, не отменил основных положений эдикта.

Необходимо в связи с этим отметить, что с государственно-правовой точки зрения императорские эдикты в этот период были более важным и действенным источником права, чем послания, которые лишь позднее приобретут законодательный характер.

И. Д. Амусин

К ВОПРОСУ ОБ АРМАЗИ

Античная литературная традиция не сохранила нам сведений о возникновении иберийского царства и об основании его древнейшего религиозного и политического центра — Армаза у слияния рек Куры и Арагвы. Страбо́н (XI, 3, 1—6) на основании греческих литературных источников II и I вв. до н. э.² описывает Иберию

¹ Об этом свидетельствует Ф л а в и й, Antt., XIX, 5,2—3. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что в эдикте (Antt., XIX, § 284) имеется ссылка на предоставленные иудеями Клавдию документы, подтверждающие их права (... κτῶς φησὶν ἐγένετο ἐκ τῶν ὑρχιμάχων τῶν παρ' αὐτοῖς καὶ τῶν δεσπότηχων), что вполне согласуется с характером юридического разбирательства этой проблемы.

² См. А. И. Б о л т у н о в а, Описание Иберии в «Географии» Страбона, ВДИ, 1947, № 4, стр. 142—160.